

ховного Суда РФ соответствующего постановления, разъясняющего, какие меры безопасности и при каких условиях допустимы в отечественном уголовном процессе.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ФАКТИЧЕСКОГО ЗАДЕРЖАНИЯ:
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПОСТРАДАВШИХ**

Метелкин А. В.

Научный руководитель - Барабаш А. С.

Сибирский федеральный университет

Право на свободу и личную неприкосновенность сегодня является одним из основных прав человека. Во многом развитие правового государства связано с обеспечением данного права каждому человеку. Проведенная в 2001 году реформа уголовно-процессуального законодательства, и в первую очередь принятие нового Уголовно-процессуального кодекса, была связана в том числе с необходимостью приведения в соответствие национального законодательства с общепринятыми международными стандартами в области прав человека, в частности? с обеспечением права каждого на свободу и личную неприкосновенность.

Закрепляя право каждого на свободу и личную неприкосновенность, Конституция РФ конкретизирует его следующим положением: «Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». Как видим, максимальный срок задержания до судебного решения ограничен 48 часами. Однако сегодня на практике очень часто возникают проблемы по поводу исчисления сроков задержания лиц. И в первую очередь эти проблемы связаны с определением начального момента исчисления срока задержания. УПК РФ определяет, что при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания (ч.3 ст.128 УПК РФ). Легальное определение момента фактического задержания дается в п.15 ст.5 УПК. Так, «момент фактического задержания - момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

На практике проблема определения момента фактического задержания сводится к следующему вопросу: входит ли время доставления лица в орган дознания или к следователю в 48 часовой срок задержания лица. Необходимо отметить, что данный вопрос окончательно не решен и в учебной литературе, а споры по данной проблеме до сих пор ведутся среди теоретиков.

Некоторые авторы, связывая момент фактического задержания с моментом доставления лица, обосновывают это следующим образом. Так? в Комментариях к УПК РФ под общей редакцией А. В. Смирнова, авторы пишут, что «в силу внезапности возникновения оснований фактический захват заподозренного лица возможен и до возбуждения уголовного дела. При этом ряд норм УПК требует ограничительного толкования. Согласно п. 15 ст. 5, "момент фактического задержания - момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, ПРОИЗВОДИМОГО В ПОРЯДКЕ, УСТАНОВЛЕННОМ НАСТОЯЩИМ КОДЕКСОМ (выделено мной. - К.К.)". В связи с этим фактическим задержанием следует считать тот момент, когда задержанный был передан органам уголовного преследования (следова-

телю, органу дознания), что может совпасть с моментом доставления. Захват лица частными лицами (очевидцами, потерпевшим) не является моментом фактического задержания. Частные лица не обязаны обеспечить допуск защитника к захваченному лицу, они могут медлить с доставлением захваченного в милицию (вплоть до незаконного лишения свободы). Лишь с момента передачи захваченного правоохранительным органам появляется возможность допуска защитника, и с его момента появления следовало бы, на наш взгляд, исчислять срок задержания. Это объясняется тем, что уголовно-процессуальные отношения возникают лишь с момента передачи задержанного правоохранительным органам и появления повода для возбуждения уголовного дела.»¹. Свои рассуждения авторы данного комментария строят на том, что момент фактического задержания – это момент фактического лишения свободы передвижения лица, производимого в порядке установленным УПК. Поэтому авторы предлагают толковать некоторые положения УПК ограничительно. Необходимо отметить, что подобное толкования уголовно-процессуального законодательства противоречит позиции Конституционного суда РФ, о чем будет сказано ниже.

При написании данной работы мною также было отмечено следующее обоснование связывания момента фактического задержания с моментом доставления лица. «Если бы свобода лица, подозреваемого в совершении преступления, ограничивалась, то понятие "фактическое задержание" содержало требование "ограничение свободы". Именно об ограничении свободы необходимо вести речь при задержании граждан на месте преступления или после его совершения до возбуждения уголовного дела. Должностные лица правоохранительных органов (например, оперативный работник, участковый уполномоченный милиции, сотрудник патрульно-постовой службы) при захвате (поимке) и доставлении заподозренного лица в орган внутренних дел не лишают, а временно ограничивают его свободу».² В данном случае авторы распространяют в уголовно-процессуальную сферу понятия из уголовного правового законодательства. Однако необходимо сказать, что данный перенос категорий из сферы материального права в сферу процессуального права не имеет под собой никаких оснований, поскольку УК и УПК говорят об абсолютно различных категориях: если в уголовном кодексе речь идет о лишении свободы либо ограничении свободы как виде наказания, то УПК в п. 15 ст.5 употребляет такое понятие, как лишение свободы передвижения лица. Данное понятие носит конституционно-правовой характер, поскольку право на свободу и личную неприкосновенность гарантировано в первую очередь в ст. 22 Конституции РФ, и в момент физического захвата человек фактически лишается возможности реализовывать данное право по своему усмотрению.

Необходимо также сказать, что УПК РФ в отличие от КоАП РФ (ст. 27.1 - 27.2) не дается определения доставления, между тем, этот термин употребляется в ст. 92 УПК РФ. Неопределенность понятия «доставление лица» дает возможность правоприменителю, на мой взгляд, вкладывать в понятие момент фактического задержания тот смысл, который выгоден ему в той или иной ситуации.

Помимо теоретического, данная проблема имеет также большое практическое значение. На практике очень часто можно встретиться с ситуациями, когда правоохранительные органы, толкуя уголовно-процессуальное законодательство, придают ему смысл, в соответствии с которым срок задержания начинает течь с момента окончания

---

¹ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к ст. 92 УПК РФ // Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А. В. Смирнов. – М.: Проспект. 2009. С. 149

² Супрун, С. Разграничение физического, фактического и уголовно-процессуального задержания / С. Супрун // Уголовное право. 2007. – № 1. – С. 93–94.

доставления лица. Таким образом, получается, что лицо в период между захватом и окончанием процедуры его доставления следователю (дознавателю) находится как бы вне правового поля. В ряде случаев это позволяет сотрудникам правоохранительных органов не оформлять протокол задержания до тех пор, пока из задержанного, что называется, не выбьют признательных показаний.

Подкреплю вышесказанное мной примером из реальной практики. Так в одном из дел, по которому проводится общественное расследование Красноярским краевым комитетом по защите прав человека, заявитель жаловался на то, что фактически он был задержан 25.01.2009 г. в п. Шушенское. Протокол же задержания был составлен в 4 часа 27.01.2009 г. в г. Красноярске. В одном из ответов прокуратуры Красноярского края на жалобу заявителя сообщалось следующее: «В протоколе задержания указано время задержания 02 часа 27. 01. 2009, время составления протокола – 04 часа 27.01.2009 г. Согласно рапорту оперуполномоченного ОРЧ -1 УР ГУВД по краю Н., Вы задержаны 26.01.2009 в 19 часов, доставлены к следователю, уполномоченному в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ произвести задержание и составить соответствующий протокол, 27.01.2009 в 02 часа. Срок задержания исчисляется с момента доставления к следователю, после чего в течение трех часов составляется протокол задержания. В связи с этим фактическое задержание произведено следователем в 02 часа 27.01.2009, то есть непосредственно после доставления, а протокол составлен в 04 часа 27.01.2009, что не противоречит требованиям части первой ст. 92 УПК РФ»

Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает несколько процессуальных действий, которые должны быть выполнены в рамках 48 часового срока задержания. Поскольку 48 часовая срок – это своеобразная гарантия того, что данные действия будут совершаться по возможности в максимально короткие сроки, поскольку, как уже было сказано, право на свободу и личную неприкосновенность - одно из важнейших прав человека, то его ограничение допускается только по судебному решению. Ситуации же, когда в силу объективных обстоятельств уложиться в 48 часов для совершения всех предусмотренных законом процессуальных действий затруднительно, встречаются крайне редко. В приведенном выше примере ничего не препятствовало составлению протокола задержания непосредственно в п. Шушенское

Присоединившись к Совету Европы 28 февраля 1996г., Россия подтвердила свою принадлежность к выработанным в Европе правовым ценностям, в том числе и сформулированным в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это выражается в частности в распространение на Россию юрисдикции Европейского суда по правам человека.

Европейский Суд по правам человека не раз констатировал, что в России нарушают ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующую свободу и неприкосновенность личности. В ряде его решений говорится о жертвах недokumentированного задержания и подчеркивается, что лишение свободы без его фиксации является нарушением самой сути гарантий статьи 5 Конвенции и тот факт, что задержание не было надлежащим образом и своевременно зафиксировано признается грубейшим нарушением (см. постановления по делам *Menesheva v. Russia*, *Luluyev and Others v. Russia*, *Chitayev and Chitayev v. Russia*).

Следовательно, если руководствоваться решениями Страсбургского Суда – момент фактического задержания определяется моментом лишения свободы.

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений реализовал эту логику - связывания момента фактического задержания с моментом непосредственного захвата лица. Например, в Постановлении от 27 июня 2000 г. по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой

гражданина В. И. Маслова¹. Данным постановлением суд внес существенную коррекцию в определение начала исчисления срока задержания подозреваемого. Органам предварительного расследования, прокурору и суду предложено понятия "задержанный" и "подозреваемый" толковать в конституционно-правовом, а не в придаваемом им уголовно-процессуальном узком смысле. Несмотря на то, что данное Постановление принималось Конституционным судом до принятия УПК 2001 г., оно не утратило своей актуальности, поскольку в более поздних принимаемых судебных актах Конституционный суд ссылается на данное постановление. Так, например, в Определении Конституционного суда от 23 июня 2009 г. № 890 – О – О, суд не только ссылается на вышеназванное постановление, но и цитирует правовую позицию, в соответствии с которой органам предварительного расследования, прокурору и суду предложено понятия "задержанный" и "подозреваемый" толковать в конституционно-правовом, а не в придаваемом им уголовно-процессуальном узком смысле².

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что момент фактического задержания связан непосредственно с фактическим лишением свободы задерживаемого лица. Поскольку оно происходит в момент непосредственного захвата лица, то доставление лица в орган дознания, дознавателю или следователю входит в срок задержания, потому что в период доставления человек фактически лишен свободы передвижения. Иное толкование, как показывает практика, дает возможность оказывать воздействие на задержанное лицо с целью понуждения его к даче показаний, необходимых в дальнейшем для обвинения.

---

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СПС «Консультант Плюс»

² Определение Конституционного суда РФ от 23.06.2009 № 890 – О – О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мелкомяна Э. М. на нарушение его конституционных прав положениями ряда статей уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС «Консультант Плюс»